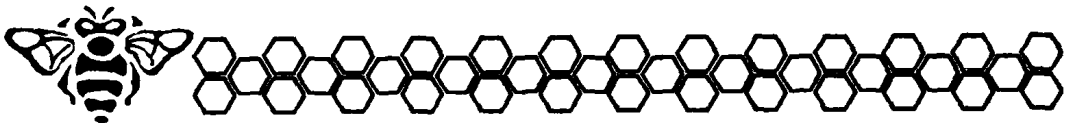

STUDIA HISTORICA

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН

Н. А. МАКАРОВ, С. Д. ЗАХАРОВ, А. П. БУЖИЛОВА

**СРЕДНЕВЕКОВОЕ РАССЕЛЕНИЕ
НА БЕЛОМ ОЗЕРЕ**

**N. MAKAROV
S. ZAKHAROV
A. BUZHILOVA**

**MEDIEVAL
SETTLEMENT
IN BELOOZERO
REGION**

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

МОСКВА

2001

ББК 63.3(2)4
М 15

Исследование выполнено при поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
проекты №№ 99-06-88-028, 96-06-80287

Составление археологической карты
района Белого озера произведено при финансовой поддержке
Комитета по экологии и природным ресурсам Вологодской области

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 00-01-16089

Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П.

М 15 Средневековое расселение на Белом озере = Medieval Settlement in Beloozero
Region. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 496 с. – (Studia historica).

ISBN 5-7859-0207-9

Работа представляет собой опыт реконструкции сети сельского расселения X—XIII вв. в одной из ключевых исторических областей Древней Руси — на Белоозере. Основываясь на археологических материалах, авторы подробно воссоздают региональную систему расселения, исследуют основные закономерности в ее организации, становлении и развитии, выявляют ее специфические особенности и общие черты, свойственные средневековому расселению на Северо-Западе и Северо-Востоке Руси. Особый раздел книги посвящен антропологическим материалам из средневековых могильников Белоозерья и Поонежья. Применение современных методов биологических исследований для анализа антропологических материалов позволяет получить принципиально новые данные о состоянии здоровья, биологических стрессах и образе жизни населения Севера в XI—XIII вв.

ББК 63.3(2)4

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshchev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavvic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 7859-0207-9

9 785785 902077 >

© Авторы, 2001

Содержание

Введение (Н. Макаров).....	7
Часть I. Средневековое расселение на Белом озере	17
1. Территория и памятники (Н. Макаров)	19
2. Региональная система расселения и ее развитие в X–XIII вв. (Н. Макаров, С. Захаров)	70
3. Ретроспектива: средневековые селища на фоне памятников эпохи камня — раннего металла (Н. Макаров)	95
4. Палеоботанические материалы из Белоозера: к истории становления земледелия на северных окраинах Древней Руси (Н. Макаров, С. Захаров, Н. Кирьянова).....	112
5. Организация расселения на микрорегиональном уровне (Н. Макаров).....	124
6. Белоозеро и Белозерск (С. Захаров)	168
7. Весь и славяне на Белом озере (Н. Макаров).....	188
8. Сельские приходы XV–XVII вв. и системы расселения домонгольского времени: проблема преемственности (Н. Макаров).....	199
9. Древнерусское Белоозеро и некоторые общие вопросы изучения средневекового расселения (Н. Макаров)	217
Часть II. Биологическая и социальная адаптация населения Русского Севера (по антропологическим материалам Белоозерья и Поонежья) (А. Бужилова)	227
Таблицы	266
Приложения	277
1. Могильник Крохинские Пески — некрополь Белоозера X–XIII вв. (Н. Макаров, Г. Новикова)	279
2. Каталог археологических памятников бассейна Белого озера и Верхней Шексны (Н. Макаров, С. Захаров)	310
5. Каталог археологических памятников бассейна Лозско-Азатского озера, Ворбозомского озера, Андозера и Верховьев р. Андоги (А. Кудряшов)	388
Литература	423
Архивные материалы	437
Список сокращений	439
<i>Summary</i>	
I. Medieval settlement in Beloozero region, Northern Russia	440
II. Biological and social adaptation of Medieval settlers in Northern Russia	462
Illustrations	468
Archaeological maps of the Beloe lake — Upper Sheksna river basin	479
Археологическая карта района Белого озера, Верхней Шексны, Лозско-Азатского озера и Андозера (л. 1–13)	481

Contents

Introduction (<i>N. Makarov</i>).....	7
Part I. Medieval settlement in Beloozero region	17
1. Beloozero region and archaeological monuments in the area (<i>N. Makarov</i>).....	19
2. Regional settlement pattern and its development in 900–1250 A. D. (<i>N. Makarov, S. Zakharov</i>)	70
3. Early medieval dwelling sites in the context of prehistoric settlement patterns (<i>N. Makarov</i>)	95
4. Plant remains from the Beloozero region: on the expansion of farming in the northern periphery of Medieval Russia (<i>N. Makarov, S. Zakharov, N. Kirjanova</i>).....	112
5. Local settlement units in Beloozero region (<i>N. Makarov</i>)	124
6. Beloozero and Belozersk — the two towns on the Beloe lake (<i>S. Zakharov</i>).....	168
7. The Ves' and the Slavs in Beloozero region (<i>N. Makarov</i>)	188
8. Early Medieval settlement and late medieval parish system: break or continuation? (<i>N. Makarov</i>)	199
9. Beloozero region: early medieval settlement patterns in the general context of settlement history in Medieval Russia (<i>N. Makarov</i>)	217
Part II. Biological and social adaptation of medieval settlers in Northern Russia (<i>A. Buzhilova</i>)	227
Tables	266
Appendices	277
1. Krokhinskie Peski burial site — early medieval cemetery of Beloozero town (<i>N. Makarov, G. Novikova</i>)	279
2. Catalogue of the sites of the Beloe lake and Upper Sheksna basin (<i>N. Makarov, S. Zakharov</i>)	310
3. Catalogue of the sites in the Lozsko-Azatskoe lake, Vorbozomskoe lake, Andozero lake and Upper Andoga river basins (<i>A. Kudriashev</i>)	388
Bibliography	423
Documentary sources	437
Abbreviations	439
<i>Summary</i>	
I. Medieval settlement in Beloozero region, Northern Russia	440
II. Biological and social adaptation of Medieval settlers in Northern Russia	462
Illustrations	468
Archaeological maps of the Beloe lake — Upper Sheksna river basin	479
Archaeological map of the Beloe lake, Upper Sheksna, Lozsko-Azatskoe lake and Andozero lake basins (pl. 1–13)	481

ВВЕДЕНИЕ

Анализ пространственного размещения и хронологического распределения средневековых археологических памятников, реконструкции систем расселения на региональном и локальном уровне, выявление динамики их развития и характера трансформаций приобретают сегодня все большее значение для исследования исторических процессов, происходивших на Русской равнине во второй половине I — первой половине II тыс. н. э. Это явление созвучно общему направлению в развитии европейской археологии, в которой вопросы расселения, взаимосвязи расселения и природной среды и общей динамики развития древних обществ вышли в 1970–1980-х гг. на первый план, потеснив традиционные историко-культурные исследования. В России перспективы, открывающиеся при изучении систем расселения были осознаны после широких археологических обследований ряда областей, начатых в 1970-е годы в связи с развитием региональных исследований и подготовкой сводов археологических памятников. Результатом этих разведок стало не только количественное увеличение материала — фиксация и каталогизация сотен ранее неизвестных средневековых памятников, но и некоторые качественные сдвиги в оценке и осмыслении всего массива этого материала.

Обнаружилось, во-первых, что достаточно однородная по своему географическому облику территория Центра и Севера Европейской России весьма неравномерно насыщена археологическими памятниками, причем эта неравномерность лишь отчасти обусловлена видимыми различиями физико-географических условий на разных широтах и ярко выражена на уровне отдельных районов. Второе, не менее важное наблюдение касается хронологического распределения памятников. Выясняется, что различные хронологические периоды весьма неравномерно представлены в археологических материалах, равные по своей протяженности исторические эпохи далеко не пропорциональны по количеству относящихся к ним археологических памятников, что может быть объяснено лишь как следствие чередования периодов высокой и низкой заселенности в древности и средневековье. В-третьих, отчетливо выявилось, что исторический процесс на Русской равнине характеризуется периодическими сдвигами в организации расселения, которые в некоторых случаях обнаруживают связь с культурными трансформациями и сменами археологических культур, а в некоторых случаях происходят независимо от них. Эти сдвиги не менее значимы в общем контексте

исторического развития, чем культурные изменения.

Цель настоящей работы — реконструкция сети сельского расселения X–XIII вв. в одной из ключевых исторических областей Древней Руси — на Белоозере — и исследование ее как региональной системы, анализ некоторых закономерностей в ее организации, становлении и развитии, выявление ее специфических особенностей и общих черт, свойственных древнерусскому расселению на Северо-Западе и Северо-Востоке. Работа базируется на материалах археологической карты района Белого озера, составление которой велось с 1992 г. Онежско-Сухонской экспедицией ИА РАН в сотрудничестве с археологами из Череповецкого краеведческого музея и Научно-Производственного Центра «Древности Севера» (Вологда). Выбор для изучения территории Белоозера и подход к составлению карты в значительной степени определяются общим видением ситуации, сложившейся в изучении древнерусского расселения.

Не имея возможности дать подробный историографический очерк изучения археологии средневекового расселения на территории Центра и Севера Европейской России, останавливаясь на некоторых моментах, которые представляются мне наиболее важными. У истоков этого направления в отечественной археологии стоят два региональных исследования, изданные в 1960-е гг., одно из которых посвящено центральным районам Смоленской земли (Седов В. В., 1960), а другое — Полоцкой земле (Алексеев Л. В., 1966). В основу этих работ положены различные методические принципы реконструкции средневекового расселения: у В. В. Седо-

ва — сплошное выявление сельских поселений, трудоемкий метод, позволяющий подробно восстановить сеть поселений как на региональном, так и на локальном уровне, у Л. В. Алексеева — картирование уже известных курганных групп, позволяющее оценить общую картину размещения населения на больших пространствах, но без хронологической детализации. Оба исследования, как и большинство последующих работ по археологии средневекового расселения, во многом опирались на традиции и методы отечественной исторической географии, в которой проблемы локализации средневековых сельских поселений, заселенности различных древнерусских территорий в ее динамике, территориально-административного устройства различных областей, характера погостов и волостей как локальных расселенческих и административных структур, были в центре внимания со второй половины XIX в. (Неволин К. А., 1853; Готье Ю. В., 1906; Богословский М. М., 1909; Андрияшев А. М., 1914; Любавский М. К., 1929; Насонов А. Н., 1951; Копанев А. И., 1951; Витов М. В., 1962; Витов М. В., Власова И. В., 1974). Необходимость археологического изучения сельских поселений и сельского расселения в целом четко обозначилась в 1970-х гг. на фоне бурного развития городской археологии, прежде всего, как проблема той исторической среды, в которой возникли и развивались города (Куза А. В., 1978). Но в 1970–1990-х гг. изучение средневекового расселения развивалось по нескольким направлениям, серьезно отклоняясь от заданной исторической оппозиции «город» — «деревня». Одним из ведущих «жанров» стали микрорегиональные исследования, основанные на доскональном археологическом

или комплексном исследовании компактных территорий (их размеры сильно варьируют, но не выходят за пределы двух-трех средневековых волостей) со сплошной фиксацией памятников различных хронологических пластов и сопоставлением картины расселения на различных временных срезах (Чернов С. З., 1989; Чернов С. З., 1991; Буров В. А., 1989; Буров В. А., 1995; Исланова И. В., 1997; Кузьмин С. Л., 1991, Фролов А. А., 1996). Микрорегиональные исследования дали возможность для достаточно подробной реконструкции облика отдельных поселений и организации расселения на локальном уровне и позволили выявить основные тенденции и закономерности в развитии расселения во второй половине I — начале II тыс. н. э. — изменения в плотности населения, в топографии, ландшафтной приуроченности, размерах и группировке поселений. Вторым направлением стало исследование сети расселения на более значительных территориях с преимущественным вниманием к отдельным хронологическим срезам (Носов Е. Н., 1984; Носов Е. Н., 1991; Конечный В. Я., 1992; Лапшин В. А., 1985) или к более широким временным периодам (Платонова Н. И., 1988; Исланова И. В., 1990; Харлашов Б. Н., 1986; Узянов А. А., 1993; Харлашов Б. Н., 1995; Леонтьев А. Е., 1984; Леонтьев А. Е., 1996). Эти работы вслед за исследованиями В. В. Седова и Л. В. Алексеева до некоторой степени раскрыли характер региональных структур расселения, дали представление о заселенности тех или иных древнерусских областей в средневековье и выявили упоминавшиеся выше контрасты в размещении поселений. Они позволили с большей или меньшей степенью подробности реконструировать сеть расселения

в ближайшей округе таких крупнейших городских центров Древней Руси как Новгород, Псков, Суздаль, Ростов, Переяславль-Залесский. Высоко оценивая эти работы, необходимо отметить общий для многих из них недостаток — неясность и неполноту источниковой базы, обусловленные сложностью сплошного выявления и точной квалифицированной фиксации средневековых селищ на больших территориях при обычном для археологии дефиците времени и средств. Третьим направлением стали палеоэкологические исследования, проводимые археологами совместно с географами, палеоботаниками, почвоведом, палеозоологами и нацеленные на конкретные реконструкции средневековой природной среды, ландшафтов и систем хозяйства (Кренке Н. А., 1987; Кренке Н. А., Кирьянова Н. А., Александровский А. Л., 1997; Узянов А. А., Сычева С. А., 1987; Бызова Е. Г., Кренке Н. А., Спиридонова Е. А., Чернов С. З., 1993; Фоломеев Б. А., Александровский А. Л., Гласко М. П., Гоняный М. И., Гуман М. А., 1990). Хотя в России, в отличие от западноевропейских стран, палеоэкологические подходы к изучению средневекового расселения не получили широкого распространения, а данные о природном окружении средневековых поселений и проблема формирования культурного ландшафта, по справедливому замечанию Н. А. Кренке и С. З. Чернова, осталась на периферии поля зрения медиэвистов, реализация нескольких палеоэкологических проектов, связанных с изучением археологических памятников микрорегиона Дьяково — Коломенское, Радонежа, Куликова поля имела исключительно важные результаты. Эти работы впервые мобилизовали данные палинологии, почвоведения и ландшафтове-

дения для реконструкции средневековых ландшафтов, оценки масштабов антропогенного воздействия на природную среду и характера и особенностей аграрного развития в те или иные исторические периоды. Разумеется, выделение различных направлений в исследовании средневекового расселения и культурного ландшафта отчасти условно, поскольку многие работы по археологии расселения сочетают анализ ситуации на разных географических уровнях, в той или иной степени используя методы естественных наук. Особой составной частью систематизации материалов по археологии древнего и средневекового расселения стала работа над Археологической картой России, продолжившая начатое в 1960-е гг. и оставшееся незавершенным составление свода памятников истории и культуры, в том числе археологии. 10 изданных к настоящему времени выпусков АКР, содержащие материалы по отдельным административным областям Центральной России, дают важный документальный материал, характеризующий расселение на различных территориях в различные периоды. Однако составление АКР не предполагает сплошного выявления памятников археологии, а лишь фиксирует современное состояние обследованности тех или иных территорий с неизбежными контрастами в полноте и качестве проводившихся здесь полевых работ.

Таким образом, несмотря на повышенный интерес археологов к проблемам средневекового расселения, обозначившийся с 1970-х гг., представление о том, что организация сельского расселения в Древней Руси хорошо изучена на уровне отдельных регионов, иллюзорно. Сплошное выявление древнерусских селищ пред-

принималось в основном в границах сравнительно небольших районов (рис. 1), приемы фиксации средневековых поселений зачастую далеки от современных стандартов, публикации не дают представления об особенностях топографии и группировки памятников. Исследуя средневековое расселение, археологи нередко ограничиваются анализом ситуации на сравнительно узких хронологических срезах, оставляя без внимания памятники смежных хронологических периодов и общую динамику заселения территории. Перед исследователями по-прежнему стоит задача сплошного выявления памятников X–XIII вв. в границах более крупных регионов и реконструкции областных систем расселения в их статике и динамике.

Актуальность этой задачи вполне очевидна и в общем контексте изучения сельских территорий и средневекового расселения в Европе, в особенности на Северо-Западе Европейского континента, где это направление археологии развивается особенно интенсивно. Хотя методы и результаты западноевропейских исследований по археологии сельского расселения долгое время оставались малоизвестными в СССР, современный рост интереса к проблемам средневекового расселения на Востоке Европы так или иначе связан с общими тенденциями в европейской археологической науке. Вряд ли можно считать простой случайностью, что полевые работы В. В. Седова на смоленских селищах начались спустя всего несколько лет после того, как его западноевропейские коллеги впервые обратились к систематическим раскопкам и разведкам средневековых сельских поселений в Англии и Дании. В 1950 г. Дж. Херст приступил к исследованию заброшенной деревни Варрам Перси в Йоркшире (Veres-

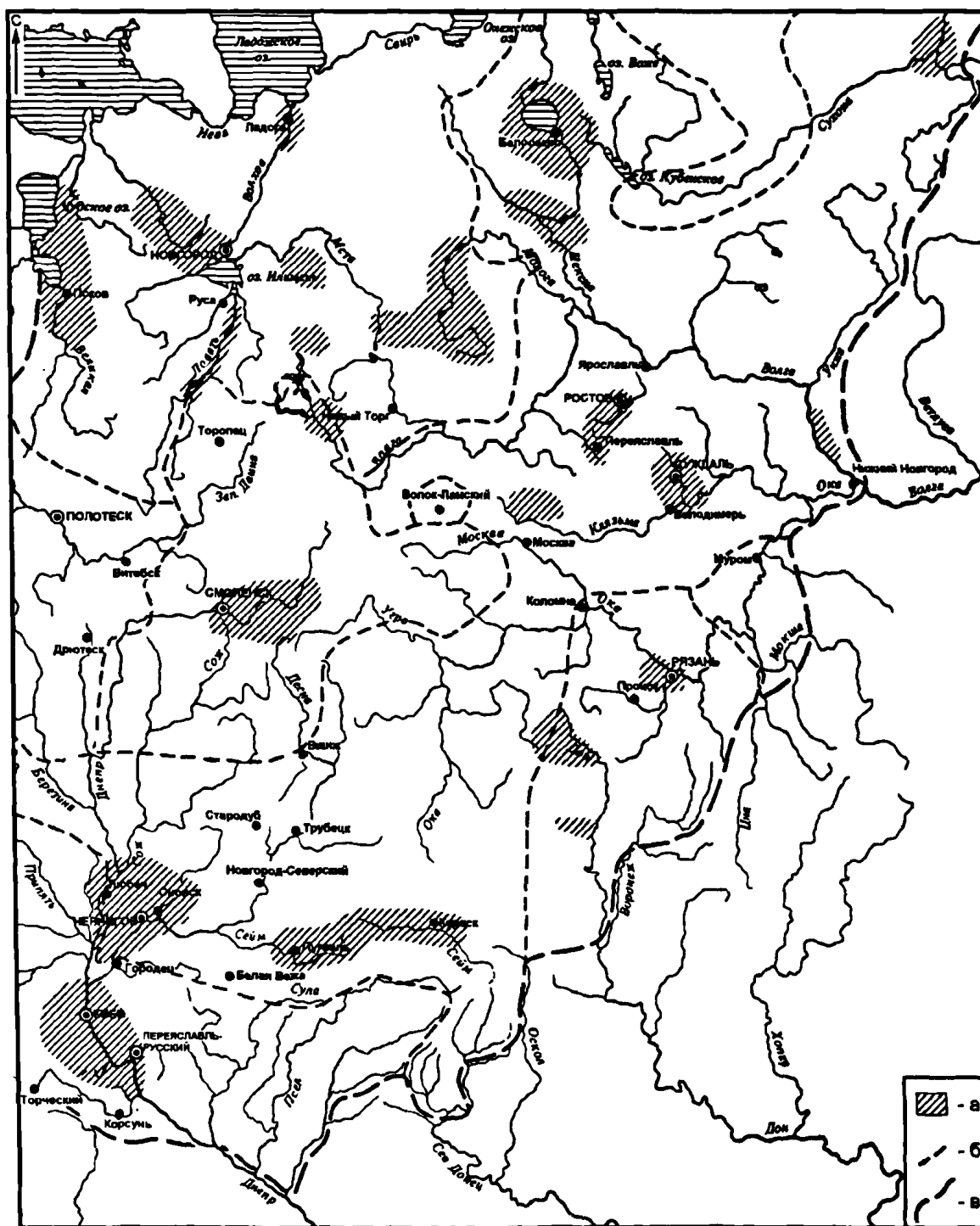

Рис. 1. Археологическое изучение сельских поселений на территории Древней Руси: современная ситуация.

а — районы сплошной фиксации селищ X—XIII вв.;
 б — границы древнерусских княжеств; в — границы Древней Руси

ford M. V., Hurst J., 1990), а А. Стенсберг начал обследования и раскопки системы полей и средневековых построек небольшой деревни Боруп в Зеландии (A. Steensberg, 1968; A. Steensberg, 1983). Оба эти поселения, полевые работы на которых затянулись на несколько десятилетий, впоследствии приобрели широкую известность как эталонные сельские памятники, раскопки которых дали мощный импульс для изучения других сельских территорий на Северо-Западе Европы. 1960-е и в особенности 1970–80-е годы стали временем бурного роста полевых работ, связанных с выявлением сельских поселений и нарастающего размаха их раскопок. Первоначально с наибольшей активностью они велись в Англии, Дании и Чехословакии, но постепенно распространились на большую часть территории северной и средней Европы, а частично и в Средиземноморье. Отдельными звеньями этих исследований стали выявление заброшенных средневековых деревень и ферм в Англии (Beresford M., Hurst J., 1971; Hook D., 1985; Fox H., 1992; Aston M., Lewis C., 1994; Aston M., 1997; Maekawa K., 1997), подробное изучение локальных групп поселений в Чехии (Сметанка З., 1985) и Словакии (Ruttkaу, 1997), широкомасштабные раскопки «блуждающих деревень» — поселений с остатками длинных домов столбовой конструкции, периодически менявших свое местоположение, в Дании (Hvass S., 1979; Hvass S., 1993; Becker C. J., 1980), картирование средневековых ферм путем обследования местонахождений монет и украшений эпохи викингов на о. Готланд (Ostergren M., 1989), комплексные исследования средневекового ландшафта в Сконе (Berglund B. E., 1991), комплексные исследования «шиллинг» — летних де-

ревень» — в Вэрмланде и на Фарерских островах (Svensson E., 1998; Svensson E., 1998a; Mahler D., 1998), выявление и раскопки сезонных летних поселений в высокогорных альпийских районах Швейцарии (Meyer W., Auf der Maur F., Bellwald W., 1998). Фактически именно в 1970–80-е гг. произошло подлинное археологическое открытие средневековой западноевропейской деревни и сельского культурного ландшафта. Накопленные материалы немедленно стали основой для серьезных историко-культурных, историко-географических и историко-социологических реконструкций. В центре обсуждения оказались прежде всего проблема возникновения деревень как особого типа поселений, проблема преемственности и разрывов в истории сельских поселений и развитии локальных территорий, вопросы скученного (в форме деревни) и рассеяного (хуторского) расселения как двух альтернативных форм социальной и пространственной организации, проблема общей динамики развития сельских территорий и региональной специфики отдельных областей (Berglund B. E., 1991; Broberg A., 1992; Andersson H., 1993; Dyer C., 1997).

В отличие от России, где средневековое расселение в 1980–1990-е гг. изучалось в рамках локальных разработок, мало связанных между собой, без определения каких-либо общих целей и методов, в западноевропейской археологии в это время отчетливо наметилась тенденция к сравнительному изучению средневекового расселения в различных странах и областях, к поискам общих закономерностей в развитии культурного ландшафта и синтезу наблюдений, сделанных в рамках различных проектов. Реализации этих це-

лей способствовала организация секции «Сельские поселения в средневековой Европе» на конференции «Средневековая Европа» — крупнейшем международном форуме по средневековой археологии, состоявшемся в 1997 г. в Брюгге (*Rural Settlements...*, 1997), проведение трех специальных конференций по археологии сельских поселений — «*Ruralia*», наконец, создание специального международного комитета «*Ruralia*», координирующего исследования по археологии средневековой деревни в разных странах. Большинство исследователей согласно в том, что при всем разнообразии природно-географических условий и исторических ситуаций в характере средневекового расселения и культурного ландшафта Европы присутствуют общие черты, а их развитие подчинено некоторым общим закономерностям. И все же главную перспективу в изучении средневековой деревни и расселения большинство археологов связывают с интенсивным подробным исследованием ситуации в отдельных районах, соответствующих административно-территориальным образованиям периода средневековья, с возможно более полной реконструкцией картины расселения и палеосреды и последующим синтезом результатов разных проектов. Это отмечает, в частности, Кристофер Дайер, один из ведущих британских медиевистов, изучающих проблемы сельского общества (*Dyer C.*, 1997, p. 60).

Средневековое расселение в районе Белого озера представляет исключительный интерес для изучения по целому ряду обстоятельств. Прежде всего, Белоозеро — одно из древнейших территориально-административных образований на Севере Древней Руси, существовавшее,

согласно Повести временных лет, уже в середине IX в. Как показывают новейшие археологические исследования, средневековые памятники Белозерья представляют собой особую территориальную группу, крайнюю северо-восточную часть ареала древнерусской археологической культуры X–XIII вв., окруженную с севера и востока слабозаселенными территориями, колонизация которых древнерусским населением началась не ранее рубежа X–XI вв. и первоначально не сопровождалась формированием крупных массивов поселений (Макаров Н. А., 1997). На территории Белозерья, в отличие от многих других областей Севера, средневековые селища относительно легко поддаются выявлению и содержат обильный вещевой и керамический материал, который может служить надежной основой для их датировки. летописное сообщение о Белоозере как о племенной территории веси и присутствие в регионе значительного количества древностей финского облика закономерно ставят вопрос о преемственности между древнерусским и более ранним веским расселением. Наконец, обилие поземельных документов XV–XVII вв., относящихся к территории Белозерья, и наличие фундаментального исследования А. И. Копанева о землевладении и расселении в Белозерском крае в XV–XVII вв. (Копанев А. И., 1951) открывают некоторую перспективу для сопоставления систем расселения домонгольского и московского периодов в ситуации, когда памятники XV–XVII археологически почти не изучены. Поскольку качество исследования по истории и археологии средневекового расселения во многом зависит от полноты и надежности источников, мы приложили максимум усилий для детального обследования центральной части

Белозерья и возможно более точной фиксации всех имеющихся здесь археологических памятников от мезолита до периода XII–XIII вв., почти полностью посвятив этому 6 полевых сезонов (1992–1997 гг.). Разумеется, это не гарантирует стопроцентной полноты выявления археологических объектов, и все же я полагаю, что общая картина древнего и средневекового расселения документирована на Белозерье намного полнее, чем в большинстве других древнерусских областей.

Настоящее исследование в значительной степени следует традиционным методам исторической географии, которые начиная с 1960-х гг. успешно используются в археологии. В основу его положено по возможности более точное картирование археологических объектов древности и средневековья, последующее составление серии археологических карт, отражающих ситуацию на различных хронологических срезах, и сопоставление этих карт с целью воссоздания процесса расселения в его динамике. Действенным приемом оказывается также сопоставление археологических карт с ландшафтными и историческими, характеризующими ситуацию более позднего периода. Эти же простые, но трудоемкие методы широко используются западноевропейскими археологами, исследующими средневековое расселение. Работа построена как серия очерков, сфокусированных на различных аспектах средневекового расселения и различных группах источников, данные которых могут сопоставляться с материалами археологической карты. Поставив перед собой задачу реконструкции сети древнего и средневекового расселения на значительной (около 9000 кв. км) территории и оценку общих изменений в заселенности на протяжении

продолжительных хронологических периодов, мы были вынуждены отказаться от исследования палеоэкологических проблем и реконструкции средневекового культурного ландшафта методами естественных наук. Финансирование наших работ было недостаточным для проведения широких палеоботанических, палеопочвенных и ландшафтных исследований. За пределами нашей работы осталось и сельское расселение XIV–XVII вв. Эта тема отчасти разработана А. И. Копаневым (Копанев А. И., 1951), но, разумеется, не исчерпана. Дальнейшее изучение ее предполагает выявление и фиксацию огромной массы позднесредневековых селищ в районе Белого озера, то есть особую программу полевых работ, реализация которой — дело будущего.

Информация о древних и средневековых поселениях на Русской равнине, полученная путем разведочных обследований, почти всегда лаконична. В большинстве случаев она ограничивается данными о топографии памятников, об их размерах, группировке, мощности и хронологии культурных напластований. Повторные обследования поселений, сопровождающиеся тщательным сбором подъемного материала и шурфовкой, обычно пополняют коллекции вещевого материала, позволяя уточнить хронологию памятника и получить дополнительные данные о его функциональных особенностях, но мало что добавляют к характеристике его внутренней структуры. Последующее исследование строится как анализ некоторых формальных признаков и характеристик (площади поселений, высоты террас, наклон площадок, расстояния между поселениями внутри отдельных гнезд, связи между поселениями и могильниками,

соотношение различных хронологических пластов памятников) и имеет своим итогом достаточно схематичные реконструкции, замещающие реальную историческую действительность с живыми картинами средневековых поселений. Не располагая материалами раскопок на поселениях, мы не в состоянии предметно рассматривать их хозяйство и бытовой уклад, социальную стратификацию и профессиональные занятия населения, конкретные обстоятельства и реальное течение процессов, которые мы именуем «подъемами», «кризисами» и «периодами стабильного развития». Путь к изучению этих явлений лежит через раскопки. Но реконструкции, базирующиеся на материалах разведок, при всем своем схематизме, имеют и очевидное достоинство — они позволяют восстановить некоторые общие явления и процессы, неизменно ускользающие от нашего зрения при длительной концентрации внимания на отдельных памятниках.

Изучение средневекового расселения теснейшим образом связано с исследованием экологии средневековых популяций и проблем биологической адаптации населения. Поэтому одной из составных частей настоящей книги стало исследование антропологических материалов из средневековых могильников Белозерья и Прионежья. Современные методы биологических исследований позволяют получить принципиально новые данные о состоянии здоровья, биологических стрессах и образе жизни древнего и средневекового населения. Одной из первых средневековых остеологических серий, к которым были применены эти методы, стали материалы белозерских и поонежских памятников. К сожалению, в 1997 г.,

когда археологические материалы северных некрополей готовились к публикации, антропологический проект был еще далек от завершения и разные группы материалов, собранных на одних и тех же памятниках, представлены теперь в разных изданиях. Однако, как мне кажется, соединение в рамках одной книги археологических «поселенческих» материалов и антропологических данных органично подчинено общей идее изучения средневекового расселения как процесса, определявшегося как историческими, так и естественными факторами. Сведения о биологическом состоянии средневековых насельников Белозерья и смежных областей исключительно важны для общей оценки исторической ситуации на севере Древней Руси.

Систематическое обследование территории Белозерья в 1992–1997 гг. и составление археологической карты этого района стали возможными благодаря финансовой и организационной поддержке Комитета по экологии и природным ресурсам Вологодской области и Кирилло-Белозерского музея-заповедника и личному вниманию их руководителей — Ю. М. Базанова и Г. О. Ивановой к проблемам сохранения археологического наследия. В полевых работах Онежско-Сухонской экспедиции, связанных с составлением карты, и обработке материалов, помимо авторов, принимали деятельное участие археологи из Москвы и Вологды А. В. Суворов, И. В. Папин, И. А. Сумина, И. И. Минаев, А. А. Фролов. Полевые работы в районе Андозера и Лозско-Азатской водной системы были проведены археологической экспедицией Череповецкого музейного объединения под руководством А. В. Кудряшова как самостоятельный